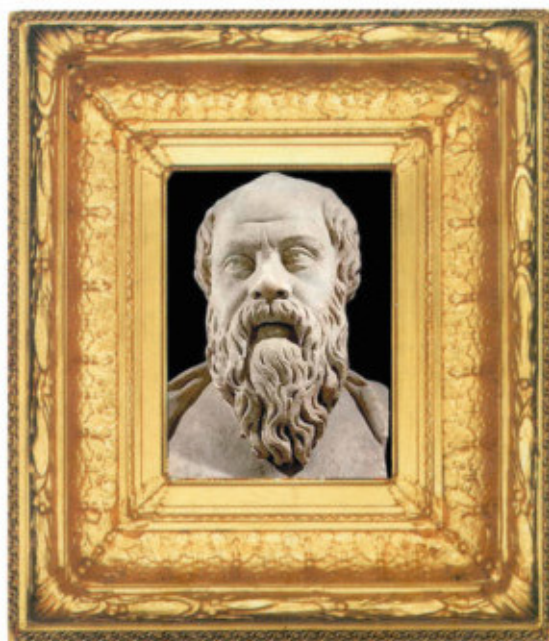

ЭДВАРД
РАДЗИНСКИЙ

СОКРАТ

Эдвард Станиславович Радзинский

Сократ (сборник)

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4767624

Сократ / Эдвард Радзинский.: Аргументы и Факты. Экспресс-Сервис, Зебра Е; Москва; 2005
ISBN 978-5-17-074319-3

Аннотация

«Это обвинение написал и клятвенно засвидетельствовал Мелет, сын Мелета, пифиец, против Сократа, сына Софрониска из дома Алопеки. Обвиняю Сократа в том, что не признает он богов, которых признает город, что создает он других богов. Обвиняю Сократа в том, что развращает он молодежь. Требуемое наказание – смерть...»

Как сказал русский философ Сергей Булгаков «Зло есть состояние мира, но не его суть». Трагическое произведение Эдварда Радзинского «Театр времен Нерона и Сенеки» поистине называют «пищей для ума». Причудливые диалоги между учителем Сенекой и его учеником Нероном, наполнены глубокими философскими изречениями великого римского мыслителя и яростно-безумными циничными выпадами и выходками кровавого диктатора. Все это происходит в самом сердце Рима – величественном Колизее. Именно здесь по замыслу Нерона разыгрывается «последняя антреприза жизни» Сенеки.

Содержание

Беседы с Сократом	4
Пир	4
Суд	12
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Эдвард Радзинский

Сократ

Беседы с Сократом

Пир

Афины. Около полудня.

Молодой человек с поспешными движениями, длинноволосый и в грязном хитоне, выкрикивает слова: «Это обвинение написал и клятвенно засвидетельствовал Мелет, сын Мелета, пифиец, против Сократа, сына Софрониска из дома Алопеки. Обвиняю Сократа в том, что не признает он богов, которых признает город, что создает он других богов. Обвиняю Сократа в том, что развращает он молодежь. Требуемое наказание – смерть».

Афины. Ночь. Пир в доме Продика, богатого афинянина. На ложах в венках возлежат хозяин дома **Продик**, **Сократ** и ученики Сократа – **Первый** и **Второй**.

Сократ плешив, уродлив. Ему семьдесят лет, но это семьдесят лет без всяких следов дряхлости.

Хозяин дома Продик тоже немолод, но очень красив – лицо Зевса с греческой скульптуры.

В продолжение пира Продик почти все время молчит, внимательно слушает речи гостей и жестами руководит рабами, наполняющими чаши вином.

Второй (*декламирует*). Ладана сладостный дым. Амфоры с вином открыты. Запах веселый вина разлился. Золотистый хлеб. Янтарный мед. Сыр молодой. И украшен цветами жертвенник. Пир! Пир!

Продик. Как будем пить: для веселья или для оживленной беседы?

Первый. «Мы не скифы. Не люблю, о други, пьянства я бесчинного – нет, за чашей я пою иль беседую невинно...». Послушаем поэта и предпочтем хмелю радость беседы с Сократом.

Сократ (*счастливо*). Как хорошо, что мы вместе. Поблагодарим нашего хозяина Продика. Вчера я встретил его у рынка, и он пригласил меня на этот пир...

Продик. Так было.

Сократ. А сегодня после полудня я понял, что устами Продика нас созвала сюда судьба. Я счастлив, что эту ночь я проведу в беседе... за чашею... и с вами.

Первый. А что случилось в полдень, Сократ?

Сократ. Не спеши. Черед настанет. А сейчас... (*Задумался.*)

Продик. Мы старые друзья, Сократ. Я рад, что угодил тебе и твоим ученикам.

Первый (*четко*). У Сократа нет учеников, Продик. Он – противник этого слова. Он называет всех нас «беседующие с Сократом».

Второй. Посвятим эту чашу Продику. (*Пьет.*)

Сократ (*ласково Второму*). Как хорошо, что ты все время улыбаешься, Аполлодор. На тебя радостно смотреть. Ты знаешь, когда я увидел тебя впервые, мне перед этим как раз приснился сон. Мне приснилось... приснилось...

Первый (*четко, будто читая наизусть запись*). Сократу приснилось, что ему на грудь сел голубь и сладостно ворковал.

Сократ. Да-да. И когда явился ты – я сразу понял, что люблю тебя. *(Помолчав.)* Я хочу, чтобы сегодня каждый из вас спросил меня о важном.

Первый *(насмешливо)*. О важном тебя хочет спросить юный Аполлодор.

Второй *(указывая на Первого)*. Он все время толкует, Сократ, что ты презираешь удовольствия и учишь...

Сократ *(в тон, шутливо)*. Не верь старикам, Аполлодор, когда они рассуждают об удовольствиях. Веселись, покуда юн. Познавай себя. Но старайся делать выводы.

Первый *(насмешливо)*. Сократ утверждает, что познать себя можно только через окружающих. Видимо, этим и занимался наш юный Аполлодор вчера в доме гетеры Гарпии.

Второй. Сократ! Сократ! Что мне делать, я все время влюблен! «И танцевать опять зовет нас бог...». *(Шутливо.)* Но как мне научиться делать выводы из посещений дома прекрасной гетеры Гарпии? *(Пьет.)*

Сократ *(улыбаясь, шутливо)*. И это возможно, Аполлодор. Говорят, Гарпия очень богата?

Второй. Да! Да!

Сократ. Может быть, у нее есть стада коз, жизнелюбивый Аполлодор?

Второй. Нет! Нет!

Сократ. Может быть, у этой гетеры есть стада баранов, лицеблещущий Аполлодор?

Второй. Ничего такого у нее нет.

Сократ *(лукаво)*. Тогда откуда же у нее богатство?

Второй *(горестно)*. От поклонников, Сократ.

Сократ. Тогда тебе следует сделать вывод, что иметь стадо поклонников не менее выгодно, чем стадо баранов. Или предположить, что для гетеры Гарпии поклонники как бы заменяют сразу баранов и коз... Веселись, наш счастливый друг. Но пройдет юность, и вспомни: кто провел всю жизнь в удовольствиях, у того остаются под старость только воспоминания тела. Разум не взрослеет, и душа не вырастает. И он ощущает, будто совсем и не жил. Что он все тот же мальчик, которого почему-то называют старцем. И ему страшно умирать.

Первый лихорадочно записывает речь Сократа.

Второй *(проводярукой по лицу)*. Это все пройдет?

Сократ *(усмехаясь)*. И это пройдет.

Второй. Я не хочу! Сократ, мне не стать мудрецом! Но я так люблю тебя слушать.

По знаку Продика раб наполняет чаши.

(Рабу.) «Звонче лей вино, мальчик, чтобы помнилось, что пил...». Эту чашу я дарю тебе, Эрос, бог любви, бог пробегающей молодости, бог...

Входит Анит, влиятельный гражданин Афин.

Анит. Мир твоему дому, Продик. Пусть простят, что я пришел незванный.

Продик. Мы всегда рады тебе, Анит. *(Рабу.)* Омой ноги Аниту и помоги ему возлечь.

Анит с помощью раба укладывается на ложе.

Анит. Я счастлив видеть всех... и особенно тебя, мудрейший из афинян!

Сократ. Неловко называть меня мудрейшим в твоём присутствии, Анит. Моя мудрость – плохонькая, ненадежная. Она – как эфир струящийся между пальцев. Твоя же...

Анит. Я благодарен тебе, щедрый Сократ. И оттого мне особенно горестно сообщить тебе...

Сократ (*поспешно*). Эта горесть от нежности твоей души, Анит. Но ты умеришь ее, потому что я уже... знаю твою весть.

Анит. Но...

Сократ. Не будем портить пир. (*Весело.*) Итак, мы внимаем юному Аполлодору, который хочет восславить бога любви. Говорят, что наш Аполлодор преуспел в деяниях во славу этого бога, а слушать сведущего – всегда полезно.

Второй. Какую весть, Сократ?

Сократ (*мягко*). Ты хотел описать нам Эроса, юноша. Начинай. Второй. Прежде всего Эрос – нежнейший из богов. Ведь он ступает не по земле, а по сердцам – и неслышно водворяется в них. Но не во всех сердцах подряд, а только в самых нежных. Встретив суровое сердце, он бежит от него прочь.

Сократ слушает, блаженно закрыв глаза.

Я бы еще добавил, что Эрос – самый своенравный из богов, ибо он уходит от нас столь же внезапно, как и приходит. Он делает это так неслышно... так незаметно... как...

Анит. Как афинские сыщики, Аполлодор.

Сократ (*не открывая глаз*). Я услышал голос Анита, и мы уже спешим насладиться его беседой.

Анит. Я – кожевенник, Сократ. Я всегда занимался делом, а не болтовней и вряд ли смогу усладить ваш слух. Но, согласно здравому смыслу, я бы отметил, что Эрос, как бог любви, наверняка любит красоту. И, конечно, Эрос прежде всего не нежен, а он – красив. Он прекрасен! Ион отрицает всякое уродство и... ненавидит его.

Молчание.

Сократ (*провел рукой по лицу, захохотал*). И он не позволяет уродам рассуждать о нем, так, Анит?

Молчание.

Ну что ж, думаю, мы согласимся с мудрейшим Анитом в том, что бог любви Эрос особенно любит красоту, что он вожделеет к красоте, как сказал поэт... Значит, нам остается только проверить, так ли красив сам Эрос, как подсказывает здравый смысл блистательному Аниту... Исследуем. Итак, Эрос – бог любви. Но любви вообще не бывает. Бывает только любовь к чему-то и к кому-то. Не так ли, Анит?

Анит. Это так, Сократ.

Сократ. Тогда еще вопрос. Вожделеет ли любовь?

Все. Конечно!

Сократ. Тогда еще вопрос, совсем уже ясный: когда любовь вожделеет – когда она уже обладает предметом страсти или когда еще не обладает?

Анит (*медленно*). Когда не обладает, скорее всего...

Сократ. И опять ты прав. Действительно (*взглянул на Продика*), зачем кудрявому вожделеть о кудрях – о них мечтает плешивый.

(Взглянул на Второго.) Зачем молодому желать молодости, а мудрому *(обращаясь к Аниту)* – мудрости? И так, мы все вождедем о том, чего лишены. Значит, если Эрос, как уже заявил нам Анит, так вождедет к красоте – значит?.. Значит, согласно нашим рассуждениям, Эрос?.. Смелее, Анит!..

Анит *(глухо)*. Лишен красоты.

Сократ. Да, это так, Анит, пленивший нас мудростью! Эрос – уродлив... Именно поэтому наши деды говорили, что сей бог любви был зачат в день рождения Афродиты: бог изобилия Порос отяжелел от вина и улегся на ложе и заснул. И богиня нищеты Пенния в скудости своей прилегла к нему. И родился от них Эрос – бог любви. Как сын своей матери, он груб, неопрятен и необуздан. Но как сын своего отца, он тяготеет к прекрасному, совершенному. Он храбр, силен, изворотлив и непрестанно строит козни. И все, что он приобретает, идет прахом у сына Пеннии... Но главное, как мы выяснили сейчас, Эрос – уродлив. Он так уродлив... С кем бы его сравнить?.. Ну помогайте, друзья мои... Ну конечно, с Сократом, так он уродлив! Вот видишь, Анит, Сократ имеет отношение к любви, а не только к смерти, о которой ты пришел ему возвестить!

Движение учеников.

Анит. Завтра суд, Сократ.

Сократ. Меня обвинил пифиец Мелет, но я не знаю такого.

Анит. Мелет обвинил тебя в полдень. После полудня тебя обвинил философ Ликон *(усмехнулся)*, «старец, ясный умом». Он требует твоей казни от имени старейших людей города... Но и это еще не все, Сократ. От имени людей дела тебя обвинил... *(Замолчал.)*

Сократ. Я понял, Анит.

Анит. Тебя обвинил я.

Второй вскакивает с ложа, но Первый удерживает его.

Есть возможность спастись, Сократ.

Сократ. Как это сделать, Анит?

Анит. Ты дашь клятву не вступать в беседы с молодыми людьми. Твои беседы отвлекают их от дела, скажем так.

Сократ. Я легко дам такую клятву. Но до каких пор мы условимся считать человека молодым?

Анит. Ну хотя бы до тридцати лет, Сократ.

Сократ. Ага, значит, у каждого, кто обратится ко мне с вопросом, я должен буду узнавать сначала, сколько ему лет. А вдруг он соврет или введет меня в заблуждение? Ведь ты знаешь, Анит, у нас в Афинах старцы так похожи на младенцев...

Анит. Я упрощу твою задачу Сократ. Ты поклянешься вообще не заниматься философией.

Сократ. Я понял. *(С необычайной резвостью он вдруг бросается на Анита и хватается его за нос.)*

На мгновение Анит опешил, но потом швыряет Сократа обратно на ложе.

Ученики бросаются на Анита.

Сократ *(криком останавливает их)*. Не мешайте беседовать! *(Как ни в чем не бывало, сочувственно.)* Было трудно дышать, Анит?

Анит *(спокойно)*. Именно так, Сократ.

Сократ. Боги определили тебе дышать в этом мире, а мне заниматься философией. Почему у тебя нельзя отнять дыхание, а у меня можно?

Анит (*встал*). Прошла треть ночи, Сократ, я иду спать. До встречи на суде!

Первый (*переставая записывать, Аниту*). Но в Афинах не судят философов.

Анит (*оборачиваясь*). Сократ – мудрейший из философов, и он заслуживает особой участи.

Продик. Я провожу. (Уходит вслед за Анитом.)

Второй (*вскакивает*). Я убью его.

Сократ. За что? Все, что он совершает, это от незнания. Человеческая природа добра. Если бы все были просвещенны, зло исчезло бы. Например, если бы Анит умел правильно рассуждать, разве он желал бы моей смерти? Что может принести смерть тому, кто открывает истину? Стоит убить плаголющего истину, и тотчас людей охватывает любопытство к его вере и уважение к ней. Потому что нет ничего прочнее и притягательнее того, за что пролита кровь. О, частый путь истины: сначала все кричат – долой ее! – и убивают произносящего ее. Потом воскрешают эту истину и привыкают к ней. А потом говорят: «Ну, это нам всем уже давно известно!»

Первый (*медленно*). Я понял.

Второй. Я хочу, чтоб ты жил, Сократ.

Продик (*возвращаясь*). Сократ, что же делать?

Сократ. Пить! И славить тебя, собравшего нас в эту благую ночь. (*Выпивает чашу. Первому.*) И еще... я не открывал законов бытия, как другие философы. Я только исследовал поведение человека. Я пытался разобраться, как надо вести себя людям в тех или иных случаях. И поэтому все, что я высказывал, будет нуждаться в постоянной проверке и сомнении... И сомнениях! Ибо меняются и времена и человек. И оттого могут меняться и рассуждения о нем. Поэтому я никогда не дерзал записывать свои беседы. Поэтому мне так не нравятся твои записи. Вы все должны запомнить главное:

«Единственное, что Сократ знал окончательно, – это то, что он ничего не знал окончательно». (*Выпивает чашу.*)

Второй. Не надо. Ты будто прощаешься с нами.

Появляется Ксантиппа, жена Сократа. Она еще молода.

Сократ (*сразу меняясь, почти заискивающе*). А к нам пришла Ксантиппочка.

Ксантиппа (*передразнивая*). К нам пришла Ксантиппочка. Мы не ложимся спать. Мы ждем полночи этого почтенного старца, этого плешивого урода...

Сократ (*шепотом*). Мы тут не одни, Ксантиппочка.

Ксантиппа (*заводясь*). Им что! Они продрыхнут до полудня, а ты голос пропешь, хрипеть завтра будешь! Или, может быть, ты решил проиграть суд, преспокойно умереть и оставить меня с тремя детьми? Сначала обеспечить семью, а потом умирай сколько твоей душе угодно! Домой! Спать!

Сократ. Сейчас мы допиваем последние чаши...

Ксантиппа. Одну чашу...

Сократ (*шепотом*). Это невежливо. Я должен выпить за всех. За почтенного хозяина, за... (*Остановился, громко.*) Но прежде всего я должен выпить, друзья мои, за эту женщину. Вот – истинная жена философа. После нее все кажется в жизни легким и радостным. Заметьте, как только она появилась, мы сразу забыли о завтрашнем суде. Он нас не страшит! (*Первому.*) Единственное, что я прошу тебя записать: жена Сократа была сварлива. За это его пожалеют больше, чем за любую смерть. (*Пьет.*)

Ксантиппа. Сократ, ты мне не нравишься. Домой! Продик, помогите мне. *(Кричит.)*
Геракл, зажигай факел!

Сократ *(чуть опьянел)*. Я не хочу Продика! *(Кивнул на учеников.)* Пусть идут они.

Ксантиппа. С ними ты будешь по дороге болтать до утра! Спор закончен. *(Кричит.)*
Геракл!

Сократ. Хорошо! Тогда напоследок мы споем песню!

Ксантиппа. По-моему, я сказала...

Продик *(мягко, с вибрирующими интонациями)*. Ксантиппа...

Ксантиппа *(сразу смягчаясь, кокетливо)*. Ну хорошо, спойте песню. Только он петь не будет. *(Сократу.)* Тебе завтра выступать, ты охрипнешь. *(Ученикам, строго.)* Пойте, и быстрее.

Второй *(поет)*. «К чему раздумьем сердце мучить!

Сократ, шевеля губами, беззвучно, но страстно подпевает.

...Предотвратим ли думой грядущее? Вино из всех лекарств самое лучшее. Самое лучшее!.. Напьемся же пьяны!»

Ксантиппа. Кончено! Геракл!

Входит Геракл, крошечный раб Сократа, с факелом.

Сократ *(обнимая его)*. Милый Геракл... Какую хорошую песню я пел...

Ксантиппа. Сократ, ты мне окончательно не нравишься! Обопрись о Геракла.

Сократ *(Первому)*. Как я сказал о ней?

Первый. Ты много о ней говорил. Например, Иону из Эфеса ты сказал: «Истинный наездник выбирает необузданную лошадь». А Диоклу из Фив...

Сократ *(смеется)*. Он все знает... Зачем я?

Ночь в Афинах. В доме Фрасибула, одного из правителей Афин. Анит и Фрасибул. Фрасибул стар – иссеченое шрамами лицо воина.

Анит *(продолжая разговор)*. Мне тоже жаль Сократа. Но каждый день по городу разгуливает этот старец и терзает горожан своими поучениями о недостижимых добродетелях. Ежечасно он подвергает сомнению несомненные истины. Мудрейшие и почтенные афиняне в беседах с ним чувствуют себя глупцами, – согласись, Фрасибул, это раздражает... Можно, конечно, отнестись к этому с юмором и добродушием. Но юмор и добродушие – удел благополучных времен. Афинский народ обозлен войной и поражением. Нервы у людей сдают. Кроме того, его влияние на молодежь...

Фрасибул. Не кричи так!

Анит. Кроме того, можно легко домыслить, что Сократ ставит человеческий разум выше афинских богов. А было бы очень полезно именно сейчас поддержать наших богов. Защита святынь всегда дисциплинирует и поднимает авторитет. А в наше время...

Входит Мелет.

Это Мелет – пифиец, он обвинил Сократа.

Мелет *(сусмешкой)*. Время ночное. Опустим длинное приветствие и сразу к делу, отцы города.

Анит. Что ты хочешь за... это?

Мелет. За что, стыдливый Анит?

Молчание.

Хорошо. Итак, за то, что я обвинил старика, с которым незнаком... За то, что я пушу в дело все красноречие поэта и в ярких красках опишу, как портит он молодежь своими поучениями... и стану трясти при этом длиннохвостой головой, как доказательством своего падения... и еще рыдать, как женщина... Что я хочу за это?

Анит. Учти, Мелет, казна Афин разорена...

Мелет (*хохочет*). Бережливые отцы, мне не нужны ваши деньги. Я – урод, я нездоров. Я не склонен к шумным пирушкам, и друзей у меня нет. Я – свободен. Свободен от всего – от друзей, от здоровья. Принадлежу только себе и вслушиваюсь только в свои желания и удовлетворяю их. Но я поэт.

Анит (*Фрасибулу*). Он действительно поэт.

Мелет. И как все поэты, я желаю поклонения. Представляете, я презираю всех, плюю на всех... и все-таки желаю любви всех. Потому что я поэт. Здесь моя западня. И я решил: вы дадите мне право сочинить гимн Аполлону – гимн, который от имени Афин повезет священное посольство в Дельфы.

Фрасибул схватился за меч, но удержался.

Вы прикажете священному хору, который наверняка уже вытвердил какие-нибудь вирши покойника Софокла или сладкозвучную рухлядь истлевшего Гомера, забыть всю эту дребедень и выучить то, что сочиню я. Мне нужна слава, и вы мне ее дадите за это.

Анит (*помолчав*). Мы согласны, Мелет. Хор стоит на Акрополе у стены Кимона. Официально мы объявим о твоём назначении после приговора Сократу.

Мелет. Я повторяю. У меня нет ничего и никого. Мне нечего терять. Если вы не сдержите слова...

Анит. Мы у тебя в руках, Мелет. До завтра!

Мелет уходит.

(*После паузы.*) Все в воле богов, Фрасибул. И кровавая смерть и могучая участь.

Фрасибул. Ступай с миром, Анит. Я становлюсь стар. Устал. Спокойной тебе ночи.

Ночь в Афинах. Сократ идет домой, опираясь на раба Геракла, несущего факел. Сзади идут Продик и Ксантиппа. Продик чуть обнимает Ксантиппу, и та льнет к нему. Вдруг Сократ останавливается и садится на землю.

Ксантиппа (*бросаясь к нему, испуганно*). Сократ, что с тобой?

Сократ (*он пьян*). Мне хорошо, Ксантиппа. Мне сейчас так хорошо! Я рад, что я на тебе женился. Рад, что прожил семьдесят лет. Хорошо! Хорошо – просто идти. Хорошо – никуда не торопиться. Хорошо – сесть посреди дороги, подставив голову ветру. (*Спокойно.*) Ксантиппа, больше этого никогда не будет.

Ксантиппа (*вдруг нежно*). Ну что ты, Сократ. Милый, ведь ты самый мудрый. Все так говорят. Вот и Продик так говорит. А он – важный человек. (*Поднимая Сократа.*) Сократ, пусть нам хоть раз в жизни принесет пользу твоя мудрость. Защитись, пожалуйста, завтра в суде. Хорошо? (*Продику.*) Ведь нам ни разу его мудрость не приносила пользу! Ни разу! Ни драхмы!

Сократ (*удовлетворенный*). Ни разу! (*Рабу.*) Вперед, Геракл, несущий свет! Ты скоро будешь свободен! Я завещаю, Геракл...

Ксантиппа. Продик, он опять! (*Сократу.*) Только посмей проиграть завтра суд. Я тебя не пушу домой! Я к тебе привязалась... Я к нему привязалась, Продик... Я родила тебе трех сыновей.

Продик грубо ее обнимает.

(*Сразу все забыв, воркующим шепотом.*) О Продик! (*Идет.*)

Сократ (*оборачивается, видит объятие*). Я пьян или я не пьян?

Ксантиппа. Ты пьян и не останавливайся.

Сократ. Нет, я хочу все-таки остановиться и уяснить, зачем здесь Продик?

Продик. Я провожаю тебя и Ксантиппу.

Ксантиппа. Зачем ты ему объясняешь? Что он, слепой, сам не видит?

Продик. Я твой старый друг, Сократ.

Сократ. И ты решил на этом основании обнимать плечи красавицы Ксантиппы? Давай исследуем, можешь ли ты сделать это, если ты мой старый друг? (*Рабу.*) Геракл, ступай в дом и принеси мою пику. Мою длиннотенную пику. Сейчас я поражу Продика.

Ксантиппа. Старый пьяница! Человек вызвался проводить! Человек твой старый друг...

Сократ (*покорно, лукаво*). Шучу... Продик – мой старый друг. Все шутка. А ты обмер, Продик. Ну какая пика? Что я, Гектор? Мне семьдесят лет. Размышления состарили меня, и мне вряд ли ее поднять. А ты не огорчал себя мыслями и оттого будешь вечно юн – рассудком по крайней мере. И когда тебе стукнет семьдесят лет, ты грозно спроси у судьбы: «За что?» Ну ладно, ступай домой... Да, на прощание скажи, Продик... старый друг Продик... Кто же сообщил Аниту, что я буду сегодня в твоём доме? Или не так: кто попросил моего друга Продика устроить этот пир?

Продик. Сократ! Неужели ты думаешь...

Сократ. Что ты, я ничего не думаю... Но я хочу, чтобы тот же человек сообщил тому же Аниту... что Сократ все исследовал и окончательно понял в эту ночь... в эту прекрасную ночь свободы... в эту последнюю ночь свободы... Что же он понял, Сократ? (*Шепотом.*) Что его смерть (*засмеялся*) – благо!

Суд

Афины. Утро. Дворик у дома Сократа. **Сократ** неподвижно стоит с одной сандалией в руке, другая сандалия – на ноге. Появляются **Первый** и **Второй**.

Второй. Сократ! *(Кричит.)* Сократ! Сократ, пора! Сократ! Первый. Бесполезно. Сократ задумался.

Второй. Это надолго?

Первый. Когда как. Например, после битвы при Потидее он простоял задумавшись всю ночь. Он погружается в сосредоточенность, как в волны, и тогда, в тишине, внутри него начинает звучать голос, который советует ему, как поступить. Так он объяснял Хариту из Эфеса.

Второй *(не теряя надежды)*. Сократ! Сократ! *(Вздыхнул.)* Идем вперед и обождем его у ограды суда.

Ксантиппа *(слышен ее голос)*. Сократ! Пора в суд! Сократ, ты уже надел сандалии? *(Появляясь, яростно.)* Мысли его великие посетили! *(Наливает в чашу воды и обливает Сократа.)*

Сократ *(выходя из задумчивости, как ни в чем не бывало)*. Кажется, пора в суд, Ксантиппа?

Ксантиппа *(передразнила его)*. Пора. Ты знаешь, который час?

Сократ заспешил.

Надень сандалии. Куда ты! Не на ту ногу! На ту уже надел. О боги, о мое несчастье! *(Кричит.)* Лампрокл, Софрониск, Меликсен, идите провожать отца! Бедные мальчики, они с утра рыдают. *(Кричит.)* Лампрокл, Софрониск, Меликсен! *(Уходит, потом возвращается.)* Эти мерзавцы убежали в порт глазеть на корабль священного посольства. Сколько раз я им запрещала. *(Кричит.)* Геракл! Геракл!

(Уходит, возвращается.) Один раб в доме, и тот прохвост. Он ушел глазеть вместе с ними. *(Грозно.)* Ты еще не надел сандалии?

Сократ *(торопливо обувается, не без хитрости)*. В гневе ты еще прекраснее, Ксантиппа. Твоя красота...

Мелет *(пробегая мимо дома)*. Простите, почтеннейшие, это путь на Рыночную площадь?

Ксантиппа *(лениво-кокетливо)*. А вы не в суд, случайно? Мелет. В суд, девушка.

Ксантиппа *(опять кокетливо)*. Ну что вы, какая я девушка. Даже неудобно как-то... *(Оглядев Мелета и сразу потеряв к нему всякий интерес.)* Молодой человек, помогите дойти этому кроткому старцу. Ему тоже в суд. Поддержите его за плечо и, главное, проследите, чтобы он не задумывался по дороге и не потерял сандалии. *(Целует Сократа.)* Иди осторожнее. Смотри по сторонам – теперь по дорогам развелось столько всадников. *(Нежно.)* Чудовище! *(Шепотом.)* И только не задавай на суде вопросов. Помни, что это раздражает. Я знаю по себе. И пусть помогут тебе боги! *(Падает на колени, поднимает руки к небу.)* О боги, помогите Сократу!

Сократ и Мелет бегут по улице.

Мелет. Только следите, чтобы я не сбился с дороги, а то я недавно в Афинах.

Бегут.

А зачем вам в суд?

Сократ. Я раздумывал над этим целое утро... А зачем вам, молодой человек?

Мелет. Я иду обвинять Сократа.

Сократ. Сократа?

Мелет. Сократа!

Сократ. А что же он вам сделал дурного?

Мелет. Ничего. Я даже с ним незнаком. Просто мне с детства надоело, что все называют его мудрейшим.

Сократ. Я понимаю, это может надоест.

Афины. Акрополь, у стены Кимона. Хор священного посольства в Дельфах.

Корифей хора – немолод, с курчавой бородой и короткими седыми кудрями. **Первый актер** – юноша, почти мальчик. В то время как хор, руководимый Корифеем, совершает свои молчаливые передвижения, **Первый актер** начинает облачаться: он надевает котурны, перчатки, удлиняющие руки, затем толщинки и поверх всего – белый хитон. Потом он надевает маску и вставляет в рот глиняный резонатор, чтобы звук был торжественным и гулким.

Актер (*пробует голос*). Ой – йя... Эй – йя...

Корифей (*Хору*). Мы стоим на холме. Над площадью, где судят мудрейшего из греков. Мы сейчас, как великие боги, которые глядели с высот на битву троянцев с ахейцами. И смерть, и победа, и зубы, грызущие прах, – все зрелище. И актеры торопятся отыграть свою сцену.

Актер. Обвинители закончили свои речи, и время отвечать Сократу.

Появляются Мелет, Анит и Ликон – древний старец. Ликонтолько что закончил чтение обвинительной речи. Он садится и тут же засыпает. Вперед выходит Сократ. Хор отступает назад, образуя толпу афинян. Справа появляются ученики Сократа – среди них Первый и Второй.

Ропот толпы: «Сократ, отвечай, Сократ!»

Сократ молчит.

Второй. Мне страшно.

Первый не отвечает ему. Ропот толпы.

Сократ. Сначала я хочу задать вопросы обвинившим меня.

Анит. Вопросы ты будешь задавать своим ученикам. Здесь будут спрашивать тебя. Здесь суд, Сократ.

Сократ. Чтобы иметь учеников, надо быть очень мудрым, Анит. Я не знаю за собой подобного качества. Поэтому у меня нет учеников, а есть только – беседующие с Сократом... Афиняне! Вся моя жизнь протекла в этих беседах: я задавал вопросы вам и всегда был готов ответить на любой из ваших вопросов. Позвольте мне не изменять себе и в этот день.

Голоса из толпы (*довольные его смирением*). Пусть спрашивает!

Сократ. Спасибо, сограждане. (*Мелету*.) Ты обвинил меня, пифиец Мелет. Но я хочу спросить тебя: давно ли **ты** меня знаешь?

Мелет (*насмешливо*). Очень давно, Сократ.

Сократ. Ты уверен, Мелет, что сейчас ты всех нас ловко обманул. Но ты сказал правду. Ты знал меня очень давно, с рождения. И все вы – тоже.

Ропот толпы.

Как только вы появились на свет, вы сразу слышали: «Есть в Афинах хитрец Сократ! Он исследует то, что под землей и над землей. Он добирается до неба – туда, где звезды образуют великий порядок. И этому хитрецу ничего не стоит доказать юношам, что белое – это черное, и не щадит он даже бессмертных богов!» Это говорил обо мне не ты, Мелет, не ты, Анит, не ты, старый Ликон. Это говорили вы все! Это говорила молва!

Ропот толпы.

Есть защита против людей, но против молвы нет защиты. У нее тысячи уст, и у нее громоподобный голос. Ее нет, и она везде! И поэтому я знал давно, что осужден. И я всегда ждал сегодняшнего дня и готовился к нему. Он наступил! И в этот страшный мой день я отвечаю молве, афиняне! Все ложь! Сократ не посягал на богов! Сократ не устремлялся мыслями во владения Зевса и не исследовал того, что под землей, хотя я не вижу в этом ничего дурного.

Ропот толпы.

Просто для этого я был недостаточно мудр, афиняне! Единственное, что я осмелился сделать предметом своего исследования, – это человек. Это – я, это – вы, это – все мы, смертные. Я пытался понять, чем нам руководствоваться. Что такое добро и зло в каждом случае. Вот уж семьдесят лет мне, а я все не устаю исследовать человека и удивляться ему. Как много тут неожиданного, афиняне! Порой кажется – добро. Ну совершенно ясно, всем ясно – добро!.. А исследуешь поглубже, и выходит, что – зло, несомненное зло!

Ропот толпы.

Вот слушал я сейчас речь Ликона. Замечательная речь! Как искусно он обвинял меня! И я подумал, какое это прекрасное искусство – красноречие... Но тут же, по вредной своей привычке, усомнился. Точно ли прекрасно искусство красноречия? И вообще, искусство ли оно?

Гневный ропот.

Я разделяю ваше негодование! Сам негодую на себя! И чтобы тотчас развеять мои глупые сомнения, давайте обратимся к мудрому Ликону. (*Кричит.*) Ликон! Ликон!.. Мудрый старец спит.

Продик (*выходит вперед*). Я готов побеседовать с тобой, Сократ, вместо Ликона, о прекрасном искусстве красноречия.

Сократ. Как хорошо! Здесь Продик – друг моего детства. Он – искусный оратор и наверняка легко убедит всех нас, что красноречие...

Продик (*твердо*). Красноречие – прекрасно, и оно великое искусство!

Сократ. Браво! Я чувствую, сомнения отступают. Ну в чем же все-таки его красота?

Продик. Например, в пользе, Сократ, в огромной пользе для владеющего этим искусством.

Сократ. Например?

Продик. Например, если я позову сюда врача... даже самого знающего из врачей... то, обладая красноречием, я легко докажу народу, что понимаю больше в вопросах врачевания, чем этот, самый знающий из врачей. Веришь ли ты, что я могу так сделать, Сократ?

Сократ. Верю.

Продик. Даже больше того, я смогу добиться при помощи красноречия, что сограждане изберут врачом меня вместо этого, наилучшего из врачей.

Сократ (*потрясен*). Тебя, который ничего не смыслит во врачевании?

Продик. Да!

Сократ. Замечательно. (*После паузы.*) Но оттого, что тебя изберут врачом, ты ведь не станешь врачом на самом деле?

Продик. Ну конечно, нет.

Сократ (*наивно*). И не сможешь вылечить никого из нас?

Продик. Ну конечно, нет.

Сократ. Что же выходит? Значит, красноречие – это средство, при помощи которого один невежда умеет доказать другим невеждам, что он – знаток, хотя таковым не является. (*Гневно.*) Но ведь это зло, Продик! А может ли прекрасное быть злом? Что же ты молчишь? Ну, смелее, Продик, друг детства!

Продик. Пожалуй, нет, Сократ.

Ропот толпы.

Сократ. Именно. Но мы еще не решили, искусство ли вообще красноречие.

Продик. А что же оно такое?

Сократ. Занятие. Только – занятие, которое требует души угодливой и дерзкой, наделенной природным даром обращения с людьми. Ибо охотится оно не за высшим благом и истиной, но за человеческим безрассудством и манит его лестью и красивыми словами!

Раздраженный ропот толпы.

Это такое же занятие, как поварское дело. Как часто, афиняне, подобно неразумным детям, мы предпочитаем повара, лезущего к нам с вредными яствами, суровой истине искусства врача. (*Мягко.*) Вот до чего мы дошли вместе с Продиком в приятной беседе! Я вел много таких бесед в жизни. Потому что при скудной моей мудрости... (*Замолчал. Вдруг гордо.*) Все ложь! Сократ – мудр, афиняне! Когда спросили дельфийскую пророчицу, кто мудрейший из греков, она ответила: «Сократ!»

Второй. Зачем он раздражает их?

Первый. У него слабеет память. Пророчица сказала: «Софокл – мудр, Еврипид – мудрее, но Сократ – мудрейший».

Сократ. Дельфийский бог назвал меня мудрейшим только за то, что я знаю, как мало значит моя мудрость! За то, что я неустанно сомневался – утром, днем, вечером! И оттого я вел беседы с вами! Сократ мечтал, что в результате этих бесед вы наконец-то станете различать главное: стыдно заботиться о выгоде, о почестях, а о разуме и о душе забывать. И я надоедал вам своими беседами и беспокоил вас сомнениями. Я жил, как овод, который все время пристает к коню. К красивому, благородному, но уже несколько обленившемуся коню и поэтому особенно нуждающемуся, чтобы хоть кто-то его тревожил. Это опасное занятие – беспокоить тучное животное. Ибо конь, однажды проснувшись, может пришибить ударом хвоста надоедливового овода. Не делайте так, афиняне! Я стар, но еще могу послужить вам. А

другого овода вы не скоро найдете. Ведь получаю я за эту работу только одну плату – вашу ненависть! Свидетельством тому моя бедность и сегодняшний суд.

Ропот толпы.

Второй. Он прекрасен! Сократ!

Первый. Но это уже не лучший Сократ. Это – старый Сократ, склонный к многословию и сентиментальности. Если бы ты слышал его раньше. Никаких призывов к чувству. Одна божественная логика.

Анит. *(Сократу).* Сколько у тебя детей?

Сократ. Трое, Анит.

Анит. Как он горд, афиняне! Он не хочет нам сказать, что у него трое маленьких детей. Два подростка и один совсем ребенок. Почему ты не привел их в суд, Сократ? Ведь так делали все, чтобы разжалобить народ.

Сократ. Наверно, Сократу не стоит вести себя так позорно.

Анит. Он не только требует, чтобы мы оставили ему право досаждать и впредь своими попреками городу.

Ропот толпы.

Сократ хочет еще подчеркнуть свое особое положение, свою особую гордость. Он не нуждается в вашей жалости, афиняне!

Грозный ропот толпы.

Сократ. Впервые я соглашаюсь с тобой, Анит. Смерть не стоит унижений, тем более для старика. Ведь даже если вы меня помилите, вряд ли это сделает меня бессмертным – при всем могуществе Афин. *(Сурово.)* Но полно! Вы дали присягу судить меня по правде, и я не стану мешать вам жалобами родственников. Судите меня, афиняне!

Корифей. Они голосуют. Пять сотен человек бросают камешки в две урны, чтобы решить судьбу философа.

Хор. Стук камней... Говор толпы...

Корифей. Как маленькие дети – все забавы.

Второй *(шепотом, Первому).* Если они его осудят, клянусь...

Анит, стоящий на другом конце, вдруг вздрогнул и обернулся. Потом снова застыл в ожидании.

Первый *(Второму).* Ты ничего не сделаешь, не посоветовавшись, Аполлодор.

Второй.Или не так. Мы подкупим стражу и выкрадем его.

У меня есть много денег... Как нелепо: в Афинах жил самый прекрасный, самый благородный человек, жил ради них...

Рев толпы.

Корифей. Они подсчитали. Двести двадцать один камень брошен в урну, чтобы оправдать Сократа, но двести восемьдесят решили, что он виновен... Они поиграли в камешки.

Хор. Виновный Сократ должен сам просить наказание у народа.

Сократ. Я удивлен, сограждане. Выпади на тридцать камешков меньше, и я был бы оправдан. Сошлись три мудрых, три смелых обвинителя – и всего тридцать камешков!.. Итак, какое наказание я назначил бы себе сам за свои преступления?.. За то, что никогда

не давал себе покоя... За то, что всегда шел туда, где мог убедить вас, что нельзя все время заботиться о чинах, о речах в народном собрании, об участии в управлении и заговорах... За то, что призывал вас думать о самих себе, чтобы каждому стать лучше... Что я назначу себе в наказание за такую свою жизнь?.. Я кормил бы себя бесплатными обедами, как кормите вы тех, кто побеждает на Олимпийских играх. Потому что те, кто побеждает в состязаниях колесниц, дают вам мнимое счастье, а я пытался дать подлинное. Они – повара, я врач. *(Усмехнулся.)* Кроме того, они здоровы и не нуждаются в бесплатном питании, а я, увы, уже нуждаюсь!

Гневные крики в толпе.

Но я слышу, у вас другое мнение. Что ж, давайте исследуем и другие наказания для Сократа. Итак, первое: вы можете заключить меня в тюрьму. Но я люблю свободу! Я не смогу жить в неволе, и тюрьма для меня хуже смерти! Запомните это, судьи!.. Можно отправить меня в изгнание. Но и это будет неразумно: если вы, мои сограждане, не вынесли моих наставлений, то почему их должны выносить другие! А если на чужбине я откажусь наставлять юношей мудрости, они попросту изгонят меня за бесполезность. Если же я начну их наставлять, меня изгонят их отцы, как это сделали вы!.. Вы скажете, сограждане: но разве Сократ не может жить в Афинах спокойно, никого не уча? Не могу! Свидетельством тому нос Анита... Поэтому, афиняне, у вас есть только два наказания для Сократа: бесплатные обеды, или... *(Засмеялся.)*

Афины после суда. Стемнело. С факелами в руках возвращаются Сократ и его ученики.

Второй. Что теперь делать?

Сократ. Быть мудрым и ждать приговора.

Второй *(шепотом)*. Сократ, мы устроим побег.

Продикс факелом в руках догоняет Сократа.

Продик. Ты победил меня сегодня, Сократ, но я... улыбаюсь.

Сократ. Это означает, что ты нарочно позволил мне победить себя, как друг детства.

Продик *(не желая замечать насмешку)*. Ты совсем бодр, Сократ, после такого суда! А я, знаешь ли, сильно устаю к вечеру. Хотя я и помоложе. Ты могуч, Сократ. Но зато днем я чувствую себя молодым. Мне кажется, если бы не вели люди этот проклятый счет годам, я чувствовал бы себя совсем молодцом... А ты действительно не боишься смерти?

Сократ. Нет, Продик.

Первый *(торжествующе)*. Сократ!

Продик. Ая боюсь... Вокруг все время уходят сверстники. Живешь, как в порту, когда ждешь свой корабль и смотришь, как отплывают, отплывают... Ну, прощай, Сократ! Мы с тобой вместе начинали, не думал, что так все печально окончится. *(Помолчав.)* Я очень хотел бы поговорить с тобой... перед...

Сократ. Я всегда рад беседе, Продик. Даже... перед... *(Засмеялся.)*

Голос Ксантиппы из темноты: «Сократ, Сократ!»

Первый *(торопливо)*. Сократ, быстрее!

Второй. Мы приготовили все для пира!

Голос Ксантиппы: «Сократ! Сократ!»

Сократ. Нет. Сегодня я должен быть с нею. Это моя последняя ночь в моем доме. Я всегда жил на улицах, на базарах, в портиках храмов.

Голос Ксантиппы: «Сократ! Сократ!»

Она все пыталась устроить «дом», а я смеялся. Но сейчас мне показалось, что я люблю свой дом. Во всяком случае, я хочу провести в нем последнюю ночь.

Первый (сурово). Это говорит не Сократ. Сократ когда-то замечательно ответил Кимону из Самоса. Когда тот спросил Сократа, откуда он родом, Сократ ответил ему: «У меня нет дома, я – гражданин Вселенной!»

Сократ. Было... Было... Удачный ответ.

Голос Ксантиппы: «Сократ, я чувствую, ты здесь!»

Я вас прошу сделать веселые лица, иначе завтра она приведет детей в суд. И побыстрее спрашивайте, если у вас остались важные вопросы.

Второй. О побеге.

Сократ. Пустое.

Первый. Я всегда хотел спросить тебя. Сократ, о чем ты думал в ту ночь, которую ты простоял в задумчивости, – перед битвой при Потидее?

Сократ. Это важно. Это было во время отступления. Я шел пешим, защищая отступавших. Я убил многих, и люди падали и грызли зубами землю, вопя от боли... А потом, ночью, я стоял без сна в крошечной тьме и вдруг ясно вспомнил, как они стонали и рушились на землю... И мне стало больно в животе. И тут я понял, что есть – общее «я»... что мое «я» – есть у другого, и он тоже «я». Я убивал «я»!

Входят **Ксантиппа** и **Геракл** с факелом.

Все хорошо, Ксантиппа!

Ксантиппа (тихо). Они осудили тебя...

Сократ. Да.

Ксантиппа. Насмерть...

Сократ. Приговор вынесут завтра.

Ксантиппа. Ты не бойся, старенький Сократ... Я не буду стонать, царапать грудь и мести косями пол. Все будет очень тихо. Пошли, родной!

Первый и Второй. Спокойной ночи!

Ксантиппа. И вам того же – спокойной ночи!

Афины. Ночь. Дом Мелета. **Анит** и **Мелет**. Анит оглядывается.

Мелет. Не нравится? Бедновато?

Анит. Я всегда рад посетить дом друга.

Мелет. Нам непросто дружить с тобой, Анит. Разница в возрасте... Все сыновья похожи на Эдипа, и у них в крови – убить своих отцов. Об этом твердят все. А то, что папаши завидуют сыновьям и не прочь при случае их съесть живьем, как Сатурн своих возлюбленных деток, – об этом молчок?.. Но когда же ты представишь меня Хору?

Анит. Мы договорились – после приговора Сократу.

Мелет. Это официально. А неофициально, просто, чтобы познакомиться...

Мелет не договорил фразы. Появляется гетера **Гарпия**. Она молода и прекрасна.

(Почти испуганно.) Зачем?

Анит. Это прекрасная Гарпия. Она была на суде, и ей очень понравилась твоя речь. Она упростила меня познакомиться ее с тобой.

Гарпия. Это так, Мелет.

Мелет *(засмеялся, стараясь не глядеть на Гарпию; Аниту)*. Ты хочешь заплатить мне шлюхой?

Анит. Ну, зачем так? Ты выше человеческих слабостей, ты нас предупреждал. Просто божественные Парки прядут нити нашей судьбы, и в твоей судьбе сегодня запуталась женщина. Прощай! Мелет *(испуганно)*. Куда ты?..

Но **Анит** уходит.

Гарпия. Поэт боится меня.

Мелет *(стараясь говорить грубо)*. Садись, девка!

Гарпия. Мне больше нравилось, когда ты называл меня «шлюхой», суровый поэт. Мне уйти?

Мелет *(после паузы)*. Откуда ты родом?

Гарпия. Еще можешь спросить, который сейчас час. *(Засмеялась.)* Я из Сицилии, робкий поэт. *(Чуть насмешливо.)* Конечно, старая история: захватили город, убили отца и братьев и взяли меня в рабство.

Мелет *(неловко)*. Бедная!

Гарпия. Вот видишь, всего один поэтический рассказ, и я уже бедная вместо шлюхи... торопливый поэт!

Мелет. Девка! Тварь! Я тебя ударю! Ты издеваешься...

Гарпия молчит, улыбается.

Прости... Говори дальше.

Гарпия *(чуть серьезнее, так что юмор теперь почти незаметен)*. Была рабыней. Меня хлестали по рукам – бичом. *(Протягивает к нему руки.)* Здесь – отметины.

Мелет дотрагивается до руки Гарпии.

Этот рубец... И еще выше, у плеча...

Мелет вдруг прижимается губами к ее руке.

(Хохочет.) Чувствительный поэт.

Мелет *(яростно)*. А дальше убийца твоего мужа поселил тебя в своем доме? А дальше ты жила с ним! *(Задыхаясь.)* И ты рожала ему детей! Ты переливала кровь убийцы мужа в кровь его ублюдков! Гарпия *(хохочет)*. Ревнивый поэт!

Мелет. И он за это отпустил тебя!

Гарпия. Так хотели боги.

Мелет. Я плюю на ваших богов! Я в них не верю! *(Целует ее руки.)* Никому не верю! Я тебя увидел в первый мой день в Афинах! Ты шла вдоль портика храма! Я часто заглядывался

на женщин! Они меня не замечали. Но когда прошла ты, я перестал их видеть! Я называл тебя последними словами! Я все знал о тебе. *(Кричит.)* Но я не мог тебя забыть! Ты мне снилась. И когда сегодня ты вошла, я испугался! Я по правде понравился тебе на суде?

Гарпия *(без выражения)*. Очень, рыбочка моя!

Мелет *(опускается у ее ног и зарывается головой в колени)*. Я расскажу тебе все! Я был нищ, уродлив, болен и один... И вот однажды я решил: жизнь коротка, она проходит, а я не жил! И я переменял свою жизнь! Я хочу... всего. Поэтому нет больше того, чего бы я не совершил во имя... всего. Я – свободен! Никаких обязанностей! Я! Я! И я крикнул об этом богам! Это было ночью, в поле. И вдруг раздался удар грома. Я понял, что Зевс недоволен, и тогда я заставил себя крикнуть снова: «Плую на вас, бессмертные боги!»

Гарпия. Только не смей при мне клясть богов, миленький. Я боюсь.

Мелет. А заниматься... этим?

Гарпия. А «этим» занимались сами боги, они веселые и любят любовь.

Мелет. Дурочка! *(Схватил ее.)* Ты будешь сильно меня любить?

Гарпия *(умело вырываясь)*. Какой неловкий – одни синяки от тебя. Я буду тебя любить, но сейчас я пойду. Не уговаривай: я люблю спать одна и обязательно дома. А завтра вечером моя козочка ко мне придет?

Мелет *(пытаясь огрызнуться)*. Девка!

Гарпия *(холодно)*. Чтобы я не слышала больше этого.

Мелет *(торопливо)*. Значит, до завтра?

Гарпия молчит.

(Заискивающе.) До завтра?

Гарпия *(чуть стукнула его по лицу)*. И захвати с собой какой-нибудь подарок. Твоя ласточка давно мечтает о серебряном треножнике, например.

Мелет *(жутко)*. Ты по правде меня любишь?

Гарпия. Да, поцелуй меня, но без синяков.

Он ее целует.

И надень хитон получше и вымойся. До завтра, любимый!

Мелет. До завтра!

Гарпия уходит.

Какая ночь!.. Я не смогу спать... *(Улыбается.)* Что же мне делать?

Нет... я не могу спать. *(Смеется.)*

Афины. Рассвет. В Акрополе Мелет и Хор священного посольства в Дельфах.

Хор.

Проснулись вершины гор,
И в долинах тает прохлада.
И смутны тени утреннего мира,
И боги поют в высоких сеньях Олимпа.

Мелет. К черту богов! Что вы можете, кроме богов?

Корифей. Ты отнял у нас ночь. Мы показали тебе все, что умеем. Что ты еще от нас хочешь?

Мелет. У тебя дурной характер, старик! Ты наверняка так стар, что помнишь Эсхила.

Корифей. Помню.

Мелет (*дразнит*). Твоего Эсхила и удачливого красавца Софокла я вгоню в забвение, как они меня вгоняют в сон. (*Хохочет, наблюдая безмолвную ярость Корифея.*) Послушай, старче, тебе самому не надоело повторять из года в год все эти идиотские эпитеты классиков: «Многорукий Ахиллес», «Многогрудая Кассандра»... Ты хоть вдумайся, ну почему женщина, Кассандра, – и многогрудая? Что она – оценившаяся сука? Или почему Ахиллеса величают многоруким? Он ведь – герой, а не сороконожка. Я все переменю! К чертям! Сейчас я прочту свои стихи, которые вы будете разучивать... Что ты все время глазеешь на мою шею?

Корифей (*глухо*). У тебя на ней... родимое пятно. Такие отметины бывают у жертвенных животных.

Мелет (*вздрыгнул*). Болван! Надо слушать стихи, а не глазеть на чужие шеи. Пошли кого-нибудь за глотком вина... По-твоему, что такое поэзия? Ответь, старый глупец, не бойся!

Корифей. Это – крайность: ярость, страсть, гнев, рождение... и убийство.

Мелет. Слова... Слова... Слова...

Входит Анит.

Анит. Я ищу тебя повсюду. Солнце поднялось. Пора в суд.

Мелет. Мне нужны деньги.

Анит. Уже? (*После паузы.*) Много?

Мелет. Сколько стоит серебряный треножник? (*Торопливо.*) И не забудь сегодня, после приговора, объявить, что мою песню будут исполнять...

Анит. Мы ничего не забудем, славлюбивый Мелет. (*Гладит его по волосам.*) Спокойный Мелет... Кроткий Мелет.

Анит дает Мелету деньги, и только после этого Мелет сбрасывает его руку.

Афины. Утро. Суд. Сократ, Мелет, Ликон, который, как обычно, спит, Анит, Притан – должностное лицо в Афинах, ученики Сократа.

Притан (*выступая вперед*). Сократ, сын Софрониска из дема Ал опеки. Мы вынесли тебе приговор – смерть!

Молчание толпы.

Говори последнее слово.

Сократ. Мне жаль вас, афиняне. Теперь о вас пойдет дурная слава. Люди, склонные поносить наш город, а их немало, ибо Афины – город великий, эти люди получают право кричать на всех перекрестках, что вы убили старого мудреца. Они даже добавляют – великого старого мудреца, чтобы еще больше вам досадить. Все неразумно: если я вам уж так докучал, вы хоть немножко набрались бы терпения, хоть чуточку подождали, и все случилось бы само собой – ведь вы знаете мой возраст, нетерпеливые сограждане!

Молчание толпы.

(Ученикам.) Мне хотелось, чтобы вы, беседовавшие со мной, рассказали впоследствии, что я был осужден не потому, что мне не хватило доводов на суде. Доводы мои не слушали. Вместо них сограждане ждали только покаяния. Ждали, чтобы я отрекся от себя словом, сказал все, что привыкли здесь слушать от других.

Ропот толпы.

Но все вы помните: в дни молодости, когда я сражался с оружием за великий город Афины, мне не раз угрожала смерть. И никогда я не прибегал к бесстыдству и трусости. А ведь на войне, как в суде, так легко убежать от смерти. Надо только бросить свое оружие и обратиться с мольбой к преследователям. Надо только забыть себя и согласиться делать что угодно... Нет, избежать смерти нетрудно, труднее избежать человеческого падения. Оно настигает быстрее смерти. И вот меня, человека старого и оттого медлительного, легко настигла стремительная смерть. А вот моих обвинителей, людей молодых и проворных, настигло то, что бежит быстрее смерти, – человеческое падение... Время перед смертью благоприятно для предсказаний. И поэтому, умертвившие меня сограждане, я хочу предсказать вам будущее. Убив меня, вы думаете избавиться от необходимости давать отчет в праведности жизни своей. Но случится обратное! Ведь это я сдерживал до сих пор всех ваших обвинителей. Ведь это мой авторитет не давал раскрыть им рта, потому что всем было известно, что судил Афины один я! Теперь у вас появится тьма новых обличителей, и они будут беспощаднее – оттого, что будут моложе!.. И еще. Я хочу обратиться ко всем, кто голосовал за мое оправдание. Побудьте со мной, друзья мои, пока не истекло время моей речи. Не печальтесь обо мне. Если правду говорят, что умереть – это значит стать ничем, тогда смерть – это сон без сновидений. Тогда она для меня просто приобретение. Ведь если сравнить ночь, когда спал крепко и даже не видел снов, с большинством ночей, таких трудных, таких беспокойных, особенно в моем возрасте, – я уверен, что всякий, даже сам царь, изберет эту спокойную ночь... С другой стороны, если правду говорят, что смерть – это переселение душ отсюда в иное место, и если верно предание, что в том месте находятся все умершие до нас, – тогда есть ли что-нибудь заманчивее смерти? Ну, представьте себе, увидеть вместо всех этих рож *(жест в сторону обвинителей)* лицо Орфея или лицо Гомера... Да, я готов умереть тысячу раз, если это правда! И уж там-то мне дадут наконец спокойно разбирать поступки тамошних обитателей! Без страха наказания! Вы представляете, какое мне готовится блаженство? Я испытаю тех, кто истинно мудр или только казался нам мудрым, кто затевал великие войны и истреблял целые народы. Я смогу без страха развенчать одних и уверовать в других.

Ропот толпы: «Довольно! Последнюю просьбу, Сократ!»

Что ж, с легким сердцем. Я прошу вас, сограждане, о моих сыновьях.

Анит усмехнулся.

Да, ты так мечтал услышать об этом, Анит, сильный Анит, победительный Анит, и вот я прошу о своих детях. Если когда-нибудь, афиняне, вам покажется, что сыновья мои заботятся о деньгах, о должностях, о красивых речах больше, чем об истине и добродетели, донимайте их так же беспощадно, как донимал вас я! И если они, не представляя собой ничего, вообразят о себе многое, – укоряйте их так же беспощадно, как укорял вас я. И тогда вы воздадите по заслугам и мне, и моему потомству. Вот все, что я прошу у вас перед смертью. Но пора идти отсюда: мне – чтобы умереть, вам – чтобы жить. А что из этого лучше, неведомо никому, кроме богов.

Шум расходящейся толпы. К Сократу бросаются ученики. Одновременно подходит **Тюремщик**.

Тюремщик. Будем одеваться, старичок! *(Начинает заковывать в кандалы руки и ноги Сократа.)*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.